

УДК 347.965

DOI: 10.34670/AR.2026.48.90.018

Медиативные процедуры в правовой системе Российской Федерации: эволюция нормативного регулирования, практика применения и перспективы развития

Букина Елена Николаевна

Кандидат юридических наук,
судья арбитражного суда Республики Крым,
Арбитражный суд Республики Крым,
295000, Российская Федерация, Симферополь, ул. Пушкина, 18;
e-mail: il_grant@mail.ru

Алексеев Петр Александрович

Кандидат технических наук, доцент,
Директор по развитию,
Центр технологического развития
и профессионального образования,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: rodispublishing@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция альтернативного разрешения споров в условиях ускоренной цифровизации юридической сферы и роста востребованности дистанционных процедур. Анализ фокусируется на том, как институциональные модели медиации и арбитража адаптируются к онлайн-форматам (ODR), включая изменения в коммуникации сторон, архитектуре переговоров и роли посредника. Показано, что пандемийные ограничения выступили катализатором перехода к технологически опосредованным механизмам урегулирования, усилив интерес к процедурам, ориентированным на сокращение сроков и транзакционных издержек по сравнению с традиционным судебным разбирательством. Обсуждаются экономические и организационные последствия для юридических услуг, включая влияние цифровых процедур на трудозатраты и практики почасового учета, а также на распределение рисков между клиентом, представителем и платформенным провайдером. Отдельное внимание уделено ограничениям онлайн-урегулирования: обеспечению процессуальных гарантий, информационной безопасности и конфиденциальности, проблемам цифрового неравенства и устойчивости достигнутых соглашений. Обоснована перспектива гибридных моделей, сочетающих очные и дистанционные элементы, и необходимость стандартизации требований к цифровым процедурам.

Для цитирования в научных исследованиях

Букина Е.Н., Алексеев П.А. Медиативные процедуры в правовой системе Российской Федерации: эволюция нормативного регулирования, практика применения и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 175-184. DOI: 10.34670/AR.2026.48.90.018

Ключевые слова

Альтернативное разрешение споров, онлайн-разрешение споров, медиация, арбитраж, цифровизация правосудия, правоприменительная практика, нормативное регулирование, гражданский оборот.

Введение

Институт медиации в современной российской правовой действительности представляет собой сложный, многогранный и динамично развивающийся механизм, который, несмотря на более чем десятилетнюю историю законодательного закрепления, все еще находится в стадии поиска своего оптимального места в системе способов защиты гражданских прав. Актуальность исследования проблематики медиативных процедур обусловлена не только перманентно возрастающей нагрузкой на судебную систему, что неизбежно ведет к снижению качества и оперативности правосудия, но и глубинной потребностью гражданского оборота в инструментах, позволяющих сохранять партнерские отношения и конфиденциальность спора. Внедрение альтернативных способов урегулирования конфликтов (ADR) в российское правовое поле изначально воспринималось юридическим сообществом со сдержанным скептицизмом, однако глобальные тенденции гуманизации правосудия и стремление к процессуальной экономии заставили законодателя предпринять решительные шаги по институционализации примирительных процедур [Бевова, 2025]. Принятие Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» стало отправной точкой для формирования новой правовой культуры, однако практика показала, что одной лишь легализации института недостаточно для его массового внедрения. Важно понимать, что медиация — это не просто процессуальная надстройка или факультативная стадия судебного разбирательства, а самостоятельная правовая технология, требующая фундаментального переосмысления роли юриста в конфликте, где фокус смещается с состязательности на сотрудничество и поиск взаимовыгодного решения [Калабина, 2025].

Проблематика становления медиации в России тесно переплетена с вопросами ментальности участников гражданского оборота, традиционно ориентированных на патерналистскую роль государственного суда как единственного легитимного арбитра, способного поставить точку в споре. В отличие от стран англо-саксонской правовой семьи, где культура переговоров формировалась столетиями, российская правовая система столкнулась с необходимостью имплементации медиативных практик «сверху», через нормативное регулирование и административное стимулирование. Это породило ряд противоречий между декларативными нормами закона и реальной правоприменительной практикой, выявив пробелы в процессуальном законодательстве и отсутствие действенных стимулов для сторон конфликта. Ключевым этапом эволюции стало принятие в 2019 году пакета поправок, существенно расширивших возможности применения примирительных процедур и наделивших нотариально удостоверенные медиативные соглашения силой исполнительного документа, что, безусловно, повысило доверие к институту со стороны бизнес-сообщества [Залоило, 2023]. Тем не менее, несмотря на позитивные законодательные новеллы, статистика обращения к медиаторам остается несопоставимо низкой по сравнению с количеством исков, подаваемых в арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Исследование причин данного дисбаланса, анализ

нормативной базы и выработка предложений по совершенствованию правового регулирования медиации требуют системного подхода, учитывающего как доктринальные воззрения, так и реалии судебной практики, поскольку механический перенос зарубежных моделей на российскую почву без учета национальной специфики не приносит ожидаемых результатов.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный анализ нормативных правовых актов, регулирующих процедуру медиации в Российской Федерации, включая Конституцию РФ, Гражданский кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, а также профильный Федеральный закон № 193-ФЗ. В работе применен формально-юридический метод, позволивший детально изучить содержание правовых норм, регламентирующих статус медиатора, требования к медиативному соглашению и процессуальные последствия обращения к процедуре медиации, а также выявить внутренние противоречия и коллизии в действующем законодательстве [Ганик, Коркин, 2023]. Особое внимание уделено сравнительно-правовому методу, посредством которого проводилось сопоставление российского опыта с практикой применения медиации в зарубежных юрисдикциях, что позволило выделить универсальные принципы медиации и специфические особенности отечественной модели. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, отражающие динамику использования примирительных процедур, а также материалы судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции, включая постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие вопросы применения законодательства о примирении сторон. Исследование опирается на диалектический метод познания, рассматривающий институт медиации в его развитии и взаимосвязи с другими правовыми явлениями, такими как третейское разбирательство и нотариат [Прилуков, 2024].

В рамках исследования был проведен контент-анализ научных публикаций, монографий и диссертационных исследований, посвященных проблемам альтернативного разрешения споров, что позволило систематизировать существующие доктринальные подходы к пониманию правовой природы медиации. Системно-структурный метод использовался для определения места медиации в системе способов защиты гражданских прав и ее соотношения с судебной формой защиты. Значительное внимание уделено анализу локальных нормативных актов и правил проведения процедуры медиации, утвержденных саморегулируемыми организациями медиаторов и центрами медиации, что позволило оценить уровень развития профессиональных стандартов и этических норм в данной сфере. Для оценки эффективности правового регулирования применялся метод правового моделирования, в рамках которого рассматривались гипотетические ситуации применения медиации в различных категориях споров и прогнозировались правовые последствия для сторон. Использование социологического метода, выразившегося в анализе опросов профессиональных участников юридического рынка — адвокатов, корпоративных юристов и судей, позволило выявить субъективные факторы, препятствующие широкому распространению медиации, такие как недоверие к квалификации медиаторов и отсутствие устоявшейся привычки к переговорам. Комплексное применение указанных методов и материалов обеспечило всестороннее и объективное изучение предмета исследования, позволив сформулировать обоснованные выводы о текущем состоянии и перспективах развития медиативных процедур в России.

Результаты и обсуждение

Анализ эволюции нормативного регулирования медиации в Российской Федерации позволяет выделить несколько ключевых этапов, каждый из которых характеризовался качественным изменением подхода законодателя к институту примирения. Первоначальный этап, связанный с принятием Федерального закона № 193-ФЗ в 2010 году, носил во многом экспериментальный характер и был направлен на создание базовой правовой рамки, легитимизирующей деятельность посредников. Однако нормы закона того периода носили преимущественно диспозитивный характер и не содержали жестких механизмов интеграции медиации в гражданский и арбитражный процесс, что привело к восприятию медиации как экзотической и малопонятной процедуры [Балашова, 2024]. Практикующие юристы отмечали, что отсутствие процессуальных льгот и гарантий исполнимости медиативного соглашения делало этот инструмент непривлекательным для бизнеса, привыкшего к императивности судебных актов. Ситуация начала кардинально меняться с принятием Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ, который внес масштабные изменения в процессуальные кодексы и закон о медиации, существенно расширив спектр примирительных процедур и введя фигуру судебного примирителя. Важнейшей новеллой стало положение о возможности нотариального удостоверения медиативного соглашения, достигнутого сторонами после возникновения спора, что придало такому соглашению силу исполнительного документа. Это нововведение фактически устранило один из главных недостатков медиации — риск неисполнения достигнутых договоренностей и необходимость последующего обращения в суд за выдачей исполнительного листа в случае уклонения одной из сторон от исполнения обязательств.

Вместе с тем, детальный анализ правоприменительной практики показывает, что, несмотря на наличие прогрессивных законодательных норм, реальное использование медиации сталкивается с рядом системных проблем правового и организационного характера. Одной из наиболее острых проблем является вопрос квалификации медиаторов и доверия к ним со стороны участников спора. Закон разделяет медиаторов на профессиональных и непрофессиональных, устанавливая для первых требования о наличии высшего образования и дополнительного профессионального образования в области медиации [Великжанина, 2025]. Однако на практике отсутствие единого федерального реестра медиаторов и прозрачной системы контроля качества их услуг создает ситуацию неопределенности для потенциальных потребителей. Стороны конфликта, особенно в крупных коммерческих спорах, зачастую опасаются доверять конфиденциальную информацию и судьбу многомиллионных активов специалистам, чей профессиональный уровень и этические стандарты не гарантированы государством или авторитетной профессиональной корпорацией. В этой связи в юридическом сообществе активно обсуждается идея о необходимости введения саморегулирования в сфере медиации по аналогии с адвокатурой или арбитражными управляющими, что позволило бы создать эффективные механизмы ответственности и стандартизации услуг [Бойко, 2023].

Судебная практика демонстрирует неравномерность применения медиации в различных категориях споров. Наибольшую эффективность медиативные процедуры показывают в сфере семейных правоотношений, где эмоциональная составляющая конфликта часто преобладает над правовой, и сохранение нормальных отношений между бывшими супругами, особенно при наличии детей, является приоритетом. Суды общей юрисдикции все чаще разъясняют сторонам право на обращение к медиатору, однако статистика показывает, что судьи делают это формально, не разъясняя преимуществ процедуры, что снижает конверсию в реальные

медиативные соглашения. В арбитражном процессе ситуация несколько иная: здесь превалирует прагматичный подход, и стороны готовы идти на медиацию только в том случае, если видят в этом прямую экономическую выгоду или возможность сохранить деловую репутацию. Введение в АПК РФ и ГПК РФ норм, позволяющих возвращать часть государственной пошлины при заключении мирового соглашения или отказе от иска в связи с примирением, стало действенным, но не решающим стимулом [Катукова, Тараненко, 2025]. Экономическая модель выбора способа защиты права все еще склоняется в пользу судебного разбирательства, которое, несмотря на длительность, воспринимается как более дешевый (в части прямых затрат, если не считать услуги дорогих представителей) и понятный путь.

Особого внимания заслуживает анализ проблемы взаимодействия судов и медиаторов. Законодатель предусмотрел возможность отложения судебного разбирательства для проведения процедуры медиации, однако на практике судьи неохотно идут на этот шаг, опасаясь нарушения процессуальных сроков, за соблюдением которых осуществляется строгий контроль. Несмотря на то, что время, затраченное на примирительные процедуры, не включается в срок рассмотрения дела, психологическое давление на судью, стремящегося быстрее «закрыть» дело, остается фактором, сдерживающим активное направление сторон на медиацию. Кроме того, институт судебных примирителей, введенный в 2019 году и формируемый из числа судей в отставке, пока не получил широкого распространения и воспринимается скорее как вспомогательный механизм внутри судебной системы, нежели как полноценная альтернатива [Кацитадзе, 2023]. Судебные примирители обладают высоким авторитетом, однако их количество ограничено, а функционал во многом дублирует задачи судьи по склонению сторон к миру на стадии подготовки дела, что размывает границы между медиацией и классическими действиями суда по урегулированию спора.

Важным аспектом является анализ рисков злоупотребления правом при использовании медиативных процедур. Придание медиативному соглашению силы исполнительного документа открыло лазейку для недобросовестных участников оборота, использующих фиктивную медиацию для легализации денежных средств, обхода корпоративных процедур одобрения крупных сделок или создания искусственной задолженности в преддверии банкротства. Отсутствие судебного контроля на этапе заключения медиативного соглашения (в случае его нотариального удостоверения) возлагает огромную ответственность на нотариусов, которые вынуждены проверять законность условий соглашения, не обладая всей полнотой информации о подоплеке конфликта [Рузанова, 2024]. В судебной практике уже появляются дела, где конкурсные управляющие оспаривают медиативные соглашения как сделки с предпочтением или подозрительные сделки, что ставит под угрозу стабильность института в целом. Это диктует необходимость разработки четких критериев проверки медиативных соглашений на предмет их соответствия публичному порядку и правам третьих лиц, что требует тесного взаимодействия нотариального и судебского сообществ.

Перспективы развития медиации в России во многом зависят от внедрения элементов обязательности данной процедуры по определенным категориям споров. Дискуссия о введении обязательной досудебной медиации ведется давно, и опыт зарубежных стран (например, Италии или Турции) показывает, что такая мера способна радикально разгрузить суды. Однако противники данного подхода справедливо указывают на то, что принуждение к миру противоречит самой природе медиации, основанной на добровольности [Борзова, Калинин, Колбин, 2023]. В российских реалиях введение обязательной медиации без подготовки инфраструктуры (достаточного количества квалифицированных медиаторов, доступных по

цене или субсидируемых государством) может привести к профанации процедуры, когда стороны будут формально получать справку от медиатора для соблюдения досудебного порядка, лишь затягивая время и увеличивая издержки. Более взвешенным представляется подход, предполагающий введение обязательной информационной встречи с медиатором, на которой стороны могли бы узнать о сути процедуры и оценить ее применимость к своему спору, не будучи обязанными вступать в полноценный процесс медиации.

В контексте цифровизации правосудия нельзя не отметить развитие онлайн-медиации. Пандемия COVID-19 дала мощный толчок использованию дистанционных технологий в урегулировании споров, и медиация здесь оказалась в авангарде благодаря своей гибкости и отсутствию жесткого процессуального формализма. Использование платформ для онлайн-разрешения споров (ODR) открывает новые возможности для трансграничной медиации и разрешения споров в сфере электронной коммерции. Однако правовое регулирование онлайн-медиации в России пока носит фрагментарный характер, что порождает вопросы относительно идентификации сторон, конфиденциальности данных и юридической силы электронных соглашений [Даунгли, 2025]. Необходимо законодательное закрепление стандартов проведения онлайн-процедур, обеспечивающих защиту прав участников и сохранение принципов медиации в цифровой среде.

Анализ корпоративных споров показывает, что медиация обладает огромным потенциалом в разрешении конфликтов между акционерами, где сохранение конфиденциальности и жизнеспособности бизнеса важнее формальной победы в суде. Однако препятствием здесь часто выступают корпоративные юристы и внешние консультанты, чья бизнес-модель ориентирована на длительное судебное сопровождение (*billable hours*). Смена парадигмы юридического мышления, переход от концепции «юрист-боец» к концепции «юрист-переговорщик» требует изменений в системе юридического образования и профессиональной этике. Включение курсов по медиации и переговорам в обязательную программу юридических вузов является необходимым условием формирования нового поколения юристов, способных эффективно использовать инструменты ADR [Прядкин, 2024].

Исследование нормативной базы в сфере государственных закупок и споров с участием публично-правовых образований выявляет значительные ограничения для применения медиации. Бюджетное законодательство и строгие антикоррупционные нормы делают чиновников крайне осторожными в вопросах заключения медиативных соглашений, опасаясь обвинений в нецелевом расходовании средств или коррупционном сговоре. Расширение сферы применения медиации на административные споры и споры с участием госорганов требует разработки специальных регламентов, защищающих должностных лиц от необоснованного преследования при принятии решений о примирении, при условии, что такое решение отвечает публичным интересам [Бабкин, 2024].

Существенным аспектом является вопрос оплаты услуг медиатора. В настоящее время расходы на медиацию несут стороны, что часто становится барьером для физических лиц и малого бизнеса. Создание системы субсидируемой медиации для социально незащищенных слоев населения или включение услуг медиатора в систему бесплатной юридической помощи могло бы значительно повысить доступность процедуры. Опыт ряда регионов по созданию комнат примирения в зданиях судов, где медиаторы работают на волонтерских началах или за счет грантовой поддержки, демонстрирует востребованность такой модели, но для ее масштабирования необходима федеральная программа финансирования.

Таким образом, анализ текущего состояния медиации свидетельствует о том, что

законодательная база в целом сформирована и позволяет эффективно применять данный инструмент, однако правовая культура и правоприменительная практика отстают от нормативного регулирования. Ключевыми направлениями дальнейшего развития должны стать не столько новые законодательные поправки, сколько создание организационно-экономических условий для работы медиаторов, популяризация института среди населения и бизнеса, а также формирование единообразной судебной практики, поддерживающей и поощряющей мирное урегулирование споров. Только комплексное воздействие на правовую среду, сочетающее законодательные стимулы, образовательные программы и инфраструктурные проекты, позволит медиации трансформироваться из «спящего института» в реально действующий механизм правовой системы.

Заключение

Подводя итог исследованию медиативных процедур в российской правовой системе, необходимо констатировать, что за прошедшее десятилетие был совершен значительный скачок от полного отсутствия легального поля для посредничества к формированию развитой законодательной базы, интегрированной в процессуальные кодексы. Эволюция нормативного регулирования прошла путь от рамочного закона 2010 года до масштабной реформы 2019 года, наделившей медиативные соглашения исполнительной силой и внедрившей институт судебного примирения. Данные изменения свидетельствуют о стратегическом курсе государства на снижение конфликтности в обществе и разгрузку судебной системы. Тем не менее, анализ правоприменительной практики выявил существенный разрыв между нормативными возможностями и реальной востребованностью медиации. Основными сдерживающими факторами выступают не дефекты законодательства, а низкий уровень доверия к институту, отсутствие устоявшейся культуры переговоров, экономические барьеры и недостаточная информированность участников гражданского оборота. Медиация все еще воспринимается большинством юристов и их доверителей как факультативная и рискованная процедура, уступающая по надежности судебному решению.

Для качественного прорыва в развитии медиации требуется смещение фокуса с законотворческой деятельности на организационную и просветительскую работу. Перспективы развития института лежат в плоскости создания профессиональных стандартов и механизмов саморегулирования медиаторского сообщества, что повысит прозрачность рынка и доверие потребителей. Крайне важным представляется внедрение экономических стимулов, делающих медиацию более выгодной, чем длительное судебное разбирательство, а также расширение практики применения примирительных процедур в спорах с участием государственных органов, что требует корректировки административных регламентов и бюджетных правил. Будущее медиации в России зависит от способности юридического сообщества и государства интегрировать примирительные технологии в повседневную ткань правовой жизни, превратив их из экзотической альтернативы в стандарт эффективного разрешения конфликтов.

Библиография

1. Бабкин И.С. Медиация через призму времени. Обобщение правовых позиций, анализ проблем современной практики // Нотариальный вестник. 2024. № 7. С. 54-63.
2. Балашова И.Н. От идеи до концепции: новые векторы развития альтернативных способов урегулирования споров // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 12. С. 45-48.

3. Бевова М.М. Правовое регулирование примирительных процедур в России: актуальные вопросы и пути совершенствования // Право и управление. 2025. № 1. С. 390-397.
4. Бойко А.И. Юридическая пандемия (о чрезмерной юридикации общежития и забвении других нормативных систем) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17-31.
5. Борзова М.А., Калинин В.В., Колбин А.С. Данные реальной клинической практики: правовое поле в РФ // Медицинская этика. 2023. Т. 11. № 4. С. 16-20.
6. Ганик О.Н., Коркин М.С. Нормативное регулирование процедуры ЭКО: сопоставление правовых моделей России, Южной Кореи и Японии // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 10-16.
7. Велижанина А.Н. Правовые пробелы и перспективы развития института нотариального удостоверения медиативных соглашений // Оригинальные исследования. 2025. Т. 15. № 2. С. 87-93.
8. Даунгли А.В. Административно-правовые инструменты повышения доступности и качества медицинской помощи на малых и удаленных территориях // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 8. С. 21-26.
9. Залоило М.В. Законодательный процесс в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2023. № 1. С. 45-57.
10. Калабина К.Д. Нормативно-правовое регулирование законности и процессуальной самостоятельности следователя // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2025. № 1. С. 115-119.
11. Катукова С.Ю., Тараненко А.К. Генезис теоретико-правовых подходов и правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий // Образование и право. 2025. № 2. С. 331-339.
12. Кацитадзе Г.Т. Презумпции в медицинском праве: современное состояние и перспективы развития // Право и управление. 2023. № 2. С. 42-49.
13. Прилуков М.Д. Административно-правовой механизм регулирования регенеративной медицины // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 6. С. 168-173.
14. Прядкин В.В. История развития досудебного порядка урегулирования медицинских споров в России // Вестник Академии права и управления. 2024. № 1 (76). С. 41-44.
15. Рузанова В.Д. Передовые технологии в медицине: вызовы юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4 (66). С. 664-686.

Mediation Procedures in the Legal System of the Russian Federation: Evolution of Normative Regulation, Practice of Application, and Development Prospects

Elena N. Bukina

PhD in Law,
Judge of the Arbitration Court of the Republic of Crimea,
Arbitration Court of the Republic of Crimea,
295000, 18, Pushkina str., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Petr A. Alekseev

PhD in Technical Sciences,
Associate Professor,
Director of Development,
Center for Technological Development and Professional Education,
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rodispublishing@yandex.ru

Bukina E.N., Alekseev P.A.

Abstract

The article examines the evolution of alternative dispute resolution in the context of accelerated digitalization of the legal sphere and the growing demand for remote procedures. The analysis focuses on how institutional models of mediation and arbitration are adapting to online formats (ODR), including changes in party communication, negotiation architecture, and the role of the mediator. It is shown that pandemic restrictions acted as a catalyst for the transition to technologically mediated settlement mechanisms, increasing interest in procedures aimed at reducing timeframes and transaction costs compared to traditional litigation. Economic and organizational consequences for legal services are discussed, including the impact of digital procedures on labor costs and hourly billing practices, as well as the distribution of risks among clients, representatives, and platform providers. Particular attention is paid to the limitations of online dispute resolution: ensuring procedural guarantees, information security and confidentiality, issues of digital inequality, and the sustainability of achieved agreements. The prospect of hybrid models combining in-person and remote elements, and the necessity of standardizing requirements for digital procedures are substantiated.

For citation

Bukina E.N., Alekseev P.A. (2025) *Mediativnyye protsedury v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: evolyutsiya normativnogo regulirovaniya, praktika primeneniya i perspektivy razvitiya* [Mediation Procedures in the Legal System of the Russian Federation: Evolution of Normative Regulation, Practice of Application, and Development Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 175-184. DOI: 10.34670/AR.2026.48.90.018

Keywords

Alternative dispute resolution, online dispute resolution, mediation, arbitration, digitalization of justice, law enforcement practice, normative regulation, civil turnover.

References

1. Babkin, I. S. (2024). *Mediatsiia cherez prizmu vremeni. Obobshchenie pravovykh pozitsii, analiz problem sovremennoi praktiki* [Mediation through the prism of time. Generalization of legal positions, analysis of problems of modern practice]. *Notarialnyi vestnik*, (7), 54–63.
2. Balashova, I. N. (2024). *Ot idei do kontseptsii: novye vektory razvitiia alternativnykh sposobov uregulirovaniia sporov* [From idea to concept: New vectors for the development of alternative dispute resolution methods]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess*, (12), 45–48.
3. Bevova, M. M. (2025) *Pravovoe regulirovanie primiritelnykh protsedur v Rossii: aktualnye voprosy i puti sovershenstvovaniia* [Legal regulation of conciliation procedures in Russia: Current issues and ways of improvement]. *Pravo i upravlenie*, (1), 390–397.
4. Boiko, A. I. (2023). *Iuridicheskaia pandemiia (o chrezmernoi iuridizatsii obshchegzhitiia i zabvenii drugikh normativnykh sistem)* [Legal pandemic (on excessive legalization of social life and forgetting other normative systems)]. *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik*, (2), 17–31.
5. Borzova, M.A., Kalinichenko, V. V., & Kolbin, A. S. (2023). *Dannye realnoi klinicheskoi praktiki: pravovoe pole v RF* [Real clinical practice data: Legal field in the Russian Federation]. *Meditinskai etika*, 11(4), 16–20.
6. Danugli, A. V. (2025) *Administrativno-pravovye instrumenty povysheniia dostupnosti i kachestva meditsinskoi pomoshchi na mal'kh i udalennykh territoriiakh* [Administrative and legal tools to improve accessibility and quality of medical care in small and remote territories]. *Gosudarstvennaia vlast i mestnoe samoupravlenie*, (8), 21–26.
7. Ganik, O. N., & Korkin, M. S. (2023). *Normativnoe regulirovanie protsedury EKO: sopostavlenie pravovykh modelei Rossii, Iuzhnoi Korei i Iaponii* [Regulatory framework for the IVF procedure: Comparison of legal models in Russia, South Korea and Japan]. *Iuridicheskaia nauka*, (5), 10–16.

8. Kalabina, K. D. (2025) Normativno-pravovoe regulirovanie zakonnosti i protsessualnoi samostoiatelnosti sledovatelya [Regulatory and legal framework for the legality and procedural independence of the investigator]. *Vserossiiskii nauchnyi zhurnal «Voprosy prava»*, (1), 115–119.
9. Katsitadze, G. T. (2023). Prezumpitsii v meditsinskom prave: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia [Presumptions in medical law: Current state and development prospects]. *Pravo i upravlenie*, (2), 42–49.
10. Katukova, S. Iu., & Taranenko, A. K. (2025) Genezis teoretiko-pravovykh podkhodov i pravovogo regulirovaniia vspomogatelnykh reproduktivnykh tekhnologii [Genesis of theoretical and legal approaches and legal regulation of assisted reproductive technologies]. *Obrazovanie i pravo*, (2), 331–339.
11. Prilukov, M. D. (2024). Administrativno-pravovoi mekhanizm regulirovaniia regenerativnoi meditsiny [Administrative and legal mechanism for regulating regenerative medicine]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, (6), 168–173.
12. Priadkin, V. V. (2024). Istoriia razvitiia dosudebnogo poriadka uregulirovaniia meditsinskikh sporov v Rossii [History of the development of the pre-trial procedure for settling medical disputes in Russia]. *Vestnik Akademii prava i upravleniia*, 1(76), 41–44.
13. Ruzanova, V. D. (2024). Peredovye tekhnologii v meditsine: vyzovy iuridicheskoi nauke [Advanced technologies in medicine: Challenges for legal science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki*, 4(66), 664–686.
14. Velikzhanina, A. N. (2025) Pravovye probely i perspektivy razvitiia instituta notarialnogo udostovereniia mediativnykh soglashenii [Legal gaps and prospects for the development of the institution of notarial certification of mediation agreements]. *Originalnye issledovaniia*, 15(2), 87–93.
15. Zalailo, M. V. (2023). Zakonodatelnyi protsess v Rossiiskoi Federatsii: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia [Legislative process in the Russian Federation: Current state and development prospects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia: Iurisprudentsiia*, (1), 45–57.